

УДК 398.22(=512.141)''19''

DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-35-44

*Г. Р. Хусаинова*Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН**ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БАШКИР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ЗАПИСЯХ СЕРЕДИНЫ XX в.**

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме исследования архивных записей эпических памятников, записанных за пределами Республики Башкортостан, в частности в Оренбургской, Курганской, Челябинской, Самарской, Саратовской областях, часть которых опубликована, а варианты учтены в комментариях к томам. В первой монографии, посвященной башкирскому героическому эпосу, её автор А. Н. Киреев отметил, что экспедиции в перечисленные выше регионы Российской Федерации дали много новых сведений о башкирском народном эпосе. Данная статья нацелена на специальное исследование эпического материала, записанного именно за пределами Республики Башкортостан. Задачи статьи заключаются в выявлении текстов, включенных в тома научного свода «Башкирское народное творчество», и текстов, пока неопубликованных; возможных повторных записей; определения ареала распространения того или иного эпического сказания, возраста и пола информантов. Для решения поставленных задач привлекался статистический метод при характеристике репертуара; в качестве основного – метод сравнительного анализа, использован также элемент структурного анализа и сопоставительно-описательного метода при изучении повторных записей в русле экспериментальных подходов, разработанных В. М. Гацаком в области теории сохраняемости эпоса во времени.

Методологической основой статьи послужили труды отечественных, в т. ч. башкирских, исследователей-предшественников в области эпосоведения В. М. Гацака, И. В. Пухова, А. Н. Киреева, С. А. Галина, М. М. Сагитова и др. Исследование позволит представить содержание, объем материала, ареалы распространения башкирского эпоса в регионах Российской Федерации, где компактно проживают башкиры. При изучении архивных материалов выяснилось, что особое распространение там получили эпические произведения о животных и социально-бытовые.

В перспективе предстоит опубликовать архивные тексты и ввести их в активный научный оборот. Возможны специальные исследования, в т. ч. диссертации, по разным жанрам фольклора башкир Российской Федерации как с фольклористической, так и с языковой точки зрения (интересны диалекты и говоры, использованы как архаизмы, так и русские слова, в текстах встречаются даже персонажи русского фольклора).

Ключевые слова: фольклорные экспедиции; эпическое наследие; архивные записи; устное бытование; письменная фиксация; варианты; фрагменты; отрывки; материалы; башкирский

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00940.

Для цитирования: Хусаинова Г. Р. Эпическое наследие башкир Российской Федерации в записях середины XX в. Эпосоведение. 2023, № 4. С. 35–44. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-35-44.

ХУСАИНОВА Гульнур Равиловна – доктор филологических наук, заведующий отделом фольклористики, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия. ORCID: 0000-0002-0290-1844.

E-mail: bashfolk@yandex.ru

KHUSAINOVA Gulnur Ravilovna – Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Folklore, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0002-0290-1844.

E-mail: bashfolk@yandex.ru

G. R. Khusainova

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature –
Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS

The epic heritage of the Bashkirs of the Russian Federation in the records from the mid-20th century

Abstract. The article is devoted to the topical issue of studying archival records of epic monuments recorded outside the Republic of Bashkortostan, in particular in Orenburg, Kurgan, Chelyabinsk, Samara, and Saratov regions, some of which have been published, and variants are taken into account in the comments to the volumes. In the first monograph devoted to the Bashkir heroic epic, its author A. N. Kireev noted that expeditions to the regions of the Russian Federation listed above gave a lot of new information about the Bashkir folk epic. This article is aimed at the study of epic material recorded precisely outside the Republic of Bashkortostan. The objectives of the article are to identify texts included in the volumes of the scholarly code “Bashkir folk art” and texts that have not yet been published; possible repeated recordings; determining the area of distribution of this or that epic tale, the age and gender of the informants. To solve the tasks, a statistical method was used to characterize the repertoire; the method of comparative analysis was used as the main one, an element of structural analysis and a comparative-descriptive method was also used in the study of repeated recordings in line with experimental approaches developed by V. M. Gatsak in the field of the theory of the preservation of the epic in time.

The methodological basis of the article was the works of Russian, including Bashkir, researchers-predecessors in the field of epic studies: A. N. Kireev, S. A. Galina, M. M. Sagitova, V. M. Gatsak, I. V. Pukhov, etc.

The study will allow us to present the content, volume of material, distribution areas of the Bashkir epic in the regions of the Russian Federation where Bashkirs live compactly. When studying archival materials, it turned out that epic works about animals and social and everyday ones were particularly widespread there.

In the future, archival texts will be published and put into active scientific circulation. It is a subject for special research, including dissertations, on various genres of folklore of the Bashkirs of the Russian Federation, both from the folkloristic and linguistic point of views (dialects are interesting, both archaisms and Russian words are used, even characters of Russian folklore are found in the texts).

Keywords: folklore expeditions; epic heritage; archival records; oral existence; written fixation; variants; fragments; excerpts; materials; Bashkir

Acknowledgements: The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Fund № 22-28-00940.

For citation: Khusainova G. R. The epic heritage of the Bashkirs of the Russian Federation in the records from the mid-20th century. *Epic studies*. 2023, no. 4. Pp. 35–44. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-35-44.

Введение

В 2021 г. проект на тему «Фольклор башкир Российской Федерации в записях середины XX и начала XXI вв.: сравнительное исследование» был поддержан Российским научным фондом.

Предстояло изучение и исследование архивного материала экспедиций 1959–1962 гг. в регионы Российской Федерации. Одиннадцать объемных томов почти в четыре тысячи машинописных листов послужили материалом исследования. Предварительные наблюдения по материалам каждой экспедиции даны во вступительной статье руководителя экспедиции к каждому тому, а в 1964 г. увидела свет книга [1] А. Н. Киреева, состоящая из шести разделов, т. е. по шести регионам. Наиболее яркие образцы народного творчества были проанализированы в упомянутой книге, есть истории записи того или иного образца фольклора, сведения об отдельных информантах, духовной жизни народа отдельных сел и многое другое.

В следующей своей монографии А. Н. Киреев подчеркивает, что материалы экспедиций за пределы Республики Башкортостан дали много новых сведений о башкирском народном эпосе, что общение с живыми носителями эпических традиций, ознакомление с эпическим репертуаром в их живом поэтическом и музыкальном воплощении неизмеримо расширили представление

о природе и формах бытования эпических жанров и позволили внести ряд существенных дополнений и уточнений в научное толкование башкирского эпоса [2, с. 5]. Такую высокую оценку дал материалам экспедиций, в частности эпическим памятникам, один из первых исследователей башкирского эпоса, руководитель легендарных экспедиций второй половины XX в. в регионы Российской Федерации, где компактно проживают башкиры, проф. А. Н. Киреев. Один из участников экспедиций, позже известный башкирский эпосовед М. М. Сагитов писал, что во время этих экспедиций были найдены неизвестные до этого башкирской науке эпические памятники и значимые варианты известных эпических сказаний башкир и что выявленный материал по эпосу даст возможность вести более основательные научные исследования [3, с. 27].

В качестве сравнительного материала были использованы тома научных сводов «Башкирское народное творчество» в 18 и 36 томах на башкирском языке, материалы экспедиций 2004–2024 гг.

Эпическое наследие составляет лучшую часть золотого фонда башкирского фольклора. Передаваясь из уст в уста, башкирские эпические сказания в течение многих веков подвергались шлифовке и изменениям, становясь плодом коллективного творчества нескольких поколений сэсэнов.

Башкирские эпические памятники в рукописях XIX в.

Устная передача эпических сказаний являлась главной формой их бытования, но даже в дореволюционное время в Башкирии были случаи распространения эпических поэм в рукописях. Как отмечает, эпосовед М. М. Сагитов, некоторые грамотные сэсэны иногда записывали сказания из собственного репертуара или услышанные в исполнении других сэсэнов [4, с. 489]. Их записи, в свою очередь, переписывались и распространялись в народе. Известно, что в начале XIX в. русский чиновник Тимофей Беляев встретил одного грамотного сэсэна и кураиста и познакомился с его записью сказания «Кузыкүрпес и Маянхылу». В 1809 г. он перевел это сказание на русский язык и позже опубликовал его отдельной книгой [5]. Как полагает М. М. Сагитов, являющееся логическим продолжением «Кузы-Курпяча и Маянхылу» сказание «Зухра и Алдар» также переведено Т. Беляевым с рукописи того же неизвестного нам башкирского сэсэна [4, с. 489]; на русском языке неоднократно увидело свет сказание «Заятуляк и Хыухылу» [6; 7; 8], записанное авторами в Оренбургской области; также эпос «Конгур Буга» в переводе ученого-краеведа Р. Г. Игнатьева [9]. Эти сказания дошли до нас благодаря русскому переводу. Также в рукописях в начале XX в. получили распространение в народе сказания «Кусяк-бий», записанное сэсэном Сабирьяном Мухаметкуловым, «Заятуляк и Хыухылу», записанное в 1909 г. поэтом М. Гафури без оговаривания из какой и чьей рукописи, и опубликованное в 1910 г. под названием «Заятуляк берлә Сусылу» на языке тюрки (литературный язык, использовавшийся тюркоязычными мусульманскими народами) [10].

В дореволюционной Башкирии грамотными чаще являлись духовные лица, получившие образование. Поэтому иногда в записи эпических произведений вносились исламские элементы, ранее отсутствовавшие в народных сказаниях. Это наблюдается в рукописных вариантах сказаний «Кузыкүрпес и Маянхылу», «Зухра и Алдар», «Кусяк-бий». Сказания, дошедшие до нас в рукописях, несколько отличаются своей лексикой от записанных в момент устной импровизации. Во-первых, в них имеют место персидские и арабские слова; во-вторых, тексты их написаны на общем для многих тюркских народов литературном языке тюрки. Такие рукописи народ воспринимал как священные книги, владельцы рукописей бережно хранили их, а переписчики старались точно скопировать текст, тогда как в устном воспроизведении всегда присутствовала импровизация.

Эпические сказания в записях экспедиций второй половины XX в.

Из истории башкирской фольклористики известно, что во время академических фольклорных экспедиций под руководством А. Н. Киреева с 1959 по 1962 гг. у башкир, проживающих за пределами Республики Башкортостан, был собран богатый фольклор, в т. ч. эпические

сказания, записанные в момент устной импровизации. В репертуаре сказителей были уникальные сказания о почитаемых животных «Кара юрга» («Вороной иноходец»), «Акхак кола» («Хромой саврасый»), «Куңыр юҫа» («Бурый бык»), сказочно-романический сюжет «Заятүләк һәм Һыуһылыу» («Заятуляк и Хыухылу»), сказания, имеющие общие корни с эпическим наследием других тюркских народов: «Алпамыша и Барсынхылу», «Кузыйкупряс и Маянхылу». Исследование показало, что эпическая традиция в то время была сильна у оренбургских башкир и отсутствовала у свердловских и пермских башкир. Из 44 текстов, зафиксированных во время экспедиций 1959–1962 гг., 34 эпических произведения были записаны у них, 5 – у самарских и саратовских, 4 – у челябинских, 1 – у курганских башкир, в т. ч. «Алпамыша» – 7 вариантов в Оренбургской (1960), 2 варианта в Самарской и Саратовской областях (1961), «Кузыйкупряс и Маянхылу» – 1 вариант в Курганской (1959), по 4 варианта в Оренбургской (1960), Челябинской (1962), 3 варианта в Самарской и Саратовской областях (1961); «Заятуляк и Хыухылу» – 5 вариантов в Оренбургской области (1960); «Кара юрга» – 3 варианта в Оренбургской области (1960), «Акхак Кола» – 12 вариантов в Оренбургской области (1960); «Конгур буга» – 3 варианта в Оренбургской области (1960). Необходимо отметить, что у башкир РФ в тот период были записаны также по одному варианту образцы исторического эпоса: «Таргын и Курак» (Курганская область, 1959 г.), «Сура батыр», «Акшам батыр», «Тюльган батыр», (Оренбургская область, 1960 г.), «Баязит батыр» (Самарская область, 1961 г.) и бытового эпоса «Мактымхылу» (Челябинская область, 1962). Опубликовано из них в книгах многотомного свода «Башкирское народное творчество» всего 18 текстов из 44.

Сказителей мужчин тогда было чуть больше – 24 против 20 женщин, а их возраст колебался в основном от 65 до 85 лет, за исключением 113-летней курганской сказительницы, от которой был записан один из лучших и относительно полных текстов эпоса «Кузыйкупряс и Маянхылу».

Во время экспедиций XXI в. были записаны всего три эпических текста сказания «Кузыйкупряс и Маянхылу». Видеозапись одного текста размером чуть больше 1 МБ (15 минут 55 секунд) осуществлена в 2016 г. во время экспедиции в Курганскую область от 64-летней Камили Хамзиной этнографом, к. и. н. З. И. Минибаевой. Это единственный эпос, зафиксированный от башкир Российской Федерации в XXI в.

Характеристика трех записей XXI в. показала, как одно и то же сказание излагается устами разных информантов по-разному. Главное, сказание узнаваемо, сюжет произведения сохраняется. Прежде всего, еще раз подчеркнем, что это эпос, сохранившийся в той или иной форме до наших дней. Во-вторых, любой из этих сказителей, даже самый посредственный, в такой же мере представляет традицию устного эпического сказительства. В-третьих, все три информанта усвоили свои тексты от сказителей, а не из книг, которые бы читались им вслух.

Тексты двух записей (2010, 2016) нами расшифрованы слово в слово и опубликованы в сборниках материалов конференций, состоявшихся в ИИЯЛ УНЦ РАН [11; 12]. Это наиболее объемные записи текстов сказания «Кузыйкупряс и Маянхылу», сохранившиеся в той или иной форме до наших дней, уходящего в историю жанра эпоса. Необходимо отметить и то, что в курганском тексте есть поэтическая часть, в которой добрая невестка извещает Маянхылу о прибытии Кузыйкупряса. Информант исполнила его с напевом, перенятым от своей бабушки. Относительно эпического напева, на наш взгляд, ценным является наблюдение известного башкирского этномузыковеда второй половины XX в. Л. П. Атановой о том, что в современных условиях эпические сказания редко исполняются полностью. Чаще они бытуют в виде фрагментов-кубаиров, и их стихотворно-музыкальные эпизоды поются, как правило, без инструментального сопровождения, хотя в древности сказители пели кубаиры под аккомпанемент домбры. Лишь у башкир, живущих в Куйбышевской (ныне Самарской) и Саратовской областях, сохранилась традиция исполнять кубаиры в сопровождении домбры [13, с. 493]. Относительно эпических мелодий башкир небезынтересны её исследования, согласно которым, сюжетная канва эпоса раскрывается в прозаическом повествовании (как известно башкирский эпос мог

состоять из сочетания прозаического и стихотворно-песенного повествования), а эмоциональная сфера и наиболее картинные моменты, диалоги, отношение самого сказителя к происходящему в эпосе (сочувствие или осуждение) передавались возвышенно звучащим тирадным (кубаирским) стихом, исполняемым в речитативно-распевной манере. Также она считает, что в процессе многовекового бытования башкирского эпоса сказители выработали своеобразные музыкальные формулы, на которые «припевались» (выражение акад. Ивана Лепехина) стихотворные строфы эпических сказаний. До настоящего времени, как утверждает Л. П. Атанова, дошло лишь несколько таких музыкально-эпических формул. Она условно назвала их обиходными напевами башкирского народного эпоса, которым были характерны речитативный склад, мерная повторность ритмо-интонационной формулы. Изучив фоновые материалы фольклорных экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР, она пришла к выводу, что у каждого сказителя – сэсэна или кубаирсы, как правило, был свой излюбленный обиходный напев, на который он исполнял стихотворные строфы различных эпических сказаний (существующие образцы нотных записей обычно даются в приложениях к книгам эпоса). На достоверность утверждений исследователя нет сомнений, поскольку Л. П. Атанова была активным собирателем и единственным, можно сказать, в тот период исследователем башкирского музыкального фольклора.

Относительно отсутствия музыкального сопровождения исполнения эпоса известный советский эпосовед И. В. Пухов писал, что оно является показателем архаичности эпоса и его исполнения. В качестве примеров он приводит якутский олонхо и улигеры, представляющие наиболее древнюю ветвь бурятского эпоса – эхирит булагатскую [14, с. 18]. Исходя из этого, можно утверждать, что в 1960-е гг. у оренбургских, курганских, челябинских башкир сохранялась архаичная форма исполнения эпоса без музыкального сопровождения.

Разновременные записи эпоса «Кузыйкупяса и Маянхылу»

В процессе работы в Научном архиве УФИЦ РАН нами выявлены разновременные записи (1929 и 1962) эпоса «Кузыйкупяса и Маянхылу» от Ибатуллы Даянова в Челябинской области. Первая запись была осуществлена студентом Барыем Альметовым в 1929 г. в деревне Асан Аргаяшского кантона [15], вторая – известным фольклористом С. Галиным в 1962 г., через 33 года, в деревне Сабаклы Кунашакского района [16]. Привлекают в ней внимание сведения о том, что информанту 85 лет, безграмотный. Имя сокращено на Хибат, согласно духу советского времени.

В башкирском фольклоре эпическое произведение «Кузыйкупяса и Маянхылу» известно в двух версиях и многочисленных вариантах [17, с. 358–374]. Первая версия – это текст, опубликованный в 1812 г. в г. Казани в переводе Тимофея Беляева на русский язык. Вторая, более распространенная версия Г. Саляма, записанная в 1959 г. в Челябинской области.

Рассматриваемые разновременные записи эпоса «Кузыйкупяса и Маянхылу» от одного исполнителя в сказочной форме тоже осуществлены в Челябинской области.

Судя по текстам, это необычный информант, носитель фольклора, каких было не много. От него С. Галиным в 1962 г. были записаны и другие образцы башкирского устно-поэтического творчества, в частности, песни, сказки. Он оба раза достаточно хорошо передал содержание изучаемого нами произведения, но в его текстах относительно мало по сравнению с основным текстом поэтических строк. Запись 1929 г. осталась не завершенной, комментариев нет. Надо полагать, собирателю не удалось записать текст из-за того, что у информанта появились какие-то срочные дела, и он удалился. Текст прервался почти в конце, когда Колтан таз – кучер Маянхылу, главной героини произведения, заговаривает о необходимости убить Кузыйкупяса.

Несмотря на то, что первый текст не полный, он привлекателен тем, что записан на живом разговорном языке, а вторая запись, на наш взгляд, подвергнута небольшой литературной обработке при подготовке материала к сдаче в научный архив.

В обеих записях с разной степенью полноты сохраняется основная сюжетно-композиционная структура произведения: два хана дружили, вместе ходили на охоту; когда у них родились разнополые дети, решили породниться; отец Кузыйкупяса умирает, а отец Маянхылу увозит

дочь, чтобы разлучить её с женихом; парень узнает о существовании невесты и, несмотря на уговоры матери не ехать, отправляется к Маянхылу; преодолевая препятствия, он добирается до нареченной невесты; нанимается пастухом у её отца; молодые узнают друг-друга – хотят быть вместе, но соперник Кузыйкупяса при поддержке отца и брата Маянхылу собирается убить его; Кузыйкупяс скрывается от них и через воробья сообщает Маянхылу о месте, где он скрывается; соперник узнает об этом и убивает Кузыйкупяса; Маянхылу убивает себя; молодых хоронят рядом; на их могилах вырастают два тополя.

Оба текста являются сказочной формой эпоса. Из эпоса сохранилась сюжетная канва и диалог Кузыйкупяса и его матери в поэтической форме. Предварительное сравнение разновременных текстов показывает, что в тексте 1929 г. частично сохранены диалектные особенности лексики сказителя типа *колан* (редкий вид животного из семейства лошадиных отряда непарнокопытных) вместо *аклан* ‘поляна’, *мылтыксы* ‘тот, кто стреляет из ружья’ вместо *хунарсы* ‘охотник’, своеобразие звуковой подачи слов *Кузыйгүрпәс* вместо *Кузыйкупяс*, *кыс* вместо *кыз*, *әләмә* вместо *алама* ‘плохонький’, редкие комментарии и пояснения, которые сказитель делал в ходе исполнения как, например, *йәрәшкән кызың* ‘помолвленная девушка’ с пояснительным словом *бисәң* ‘молодая жена’, *дәлдәл* ‘крылатый сказочный конь’ – *дүнән* ‘жеребец по четвертому году’, *шунаһан* – *шунан һуң* ‘после этого’ и т. д. Теперь рассмотрим текст 1962 г. Здесь исполнитель использует иногда другие слова. Например, если в первой записи два хана *коланда* (*йәки акланда*) *танышалар* ‘знакомятся на поляне’, то во втором тексте *колан да болан аткандар* ‘отстреливали кулана и оленя’. Смысл разный, хотя слова схожие. Встречаются синонимичные выражения: *ете диңгез*, *ете урман аша* [15, с. 30] ‘через семь морей, через семь лесов’¹ – в записи 1929 г. и *бик йыракка*, *осһоз-башһыз урман аша*, *осһоз-кырыйһыз диңгез аша* [16, с. 26] ‘очень далеко, через непроходимый лес, через бескрайнее море’ – в записи 1962 г.; <...> *балдар ман уйнаганда атһа ла, атһа ла талап кайтып киткеләгән балдарзы* [15, с. 31] ‘<...> когда играл с детьми, хоть проигрывал, хоть выигрывал, силой отнимал у детей желаемое’ и *балалар менән ашыҡ уйнаганда атһа ла ала, атһа ла ала ашыҡты* [16, с. 27] ‘когда играл с детьми в бабки, попадал, не попадал – забирал бабки’; *бала атаһының бар коралын алған* [15, с. 32] ‘сын взял с собой все оружие отца’ и *атаһының йәрҙәрән һала, алмас кылыстарын, ай балталарын ала* [16, с. 28] ‘взял седло, алмазный меч, секиру отца’; *урмандың осо ла юк, башы ла юк* [15, с. 32] ‘у леса ни начала нет, ни конца нет’ и *кеше үткәһез урман* [16, с. 28] ‘непроходимый лес’; *бер көтәү мал күрзе* [15, с. 33] ‘увидел стадо животных’ и *зур бер һыйыр көтәүенә тап булды* [16, с. 29] ‘попало ему большое стадо коров’; *төш ваҡытында повоска мән күчер мән килә торған* [15, с. 33] ‘во время обеда на повозке с кучером обычно приезжает’ и *иртән төш ваҡытында куш кыңғыраулы көймә менән килә* [16, с. 30] ‘завтра в обед на карете с парными колокольчиками подъедет’.

Совпадающие места в обоих текстах следующие: *Борон заманда булған Һарыбай хан менән Карабай хан* [15, с. 30; 16, с. 26] ‘В древнее время были Карабай хан и Харыбай хан’; *Бу(ы)ларзың икәүһенең дә хатыны гоманды (ауырлы) булған* [15, с. 30; 16, с. 26] ‘их жены были в положении’; *хунарға киткәндә улар, әгәр зә кыз булһа, кайтыр юлга орсок менән энә сәнсегез, ул булһа – ук сәнсегез, – тип* [15, с. 30; 16, с. 26] ‘уходя на охоту они велели воткнуть на дороге, по которой они будут возвращаться, веретено, если родится девочка, и стрелу, если родится сын’; *Карабай хан «йәтим балаға кызымды биргәнсә» тип бик йыракка, осһоз-башһыз урман аша, осһоз-кырыйһыз диңгез аша мал-тыуары менән касып китә* [15, с. 31; 16, с. 27] ‘Карабай не хочет свою дочь выдавать за сироту и увозит далеко за леса, за моря’; *Бының еңгәләре һүгешә, «балаларзы йәбәрләгәнсә, һөйәркәңә китер инең», – тизәр* [15, с. 32; 16, с. 28] ‘снохи ругают его, мол, чем детей обижать, поехал бы за своей невестой’; *«ашаһым килә», тип бауырһаҡ бешертә. Бауырһаҡты биреү менән уны әсәһенең қулына баға* [15, с. 32; 16, с. 28] ‘выпытывает тайну

¹ Здесь и далее переводы примеров на русский язык произведены автором статьи.

у матери путем зажатие в руке горячего баурсака»; одинаковый способ выбора коня по под- сказке матери гремев уздечкой; диалог сына с матерью перед дорогой; поэтические формулы: *алдына кояш тыузырып, артына томан төшөрөп* [15, с. 32; 16, с. 28] ‘спереди солнце взошло, сзади туман опустился’; *Айзанган еренә акжүрок, тулганган еренә тубылғы үсеп китеп бара* [15, с. 32; 16, с. 28] ‘где крутился акжүрок вырос, где вертелся – таволга’; *Тоғро килде әлеге ете бүрегә. Кузыйкүрпәс уларзың араларына инде лә алмас кылысы мән етеһен ете якка һукты ла үтте лә китте* [15, с. 33; 16, с. 29] ‘на пути мечом рубит семь волков’, *ай балтаһы менән өс көндә урмандан юл ярып барып сыкты* [15, с. 33; 16, с. 29] ‘секирой рубит непроходимый лес’, *аты диңгез аша сыгарған* [15, с. 33; 16, с. 29] ‘конь выносит через море’; *өс бөртөк кыл алды ла, атын ебәрәп, йәйәү китте, ти* [15, с. 33; 16, с. 29] ‘отрывает три волоса коня и дальше идет пешком’; *бара торғас һыйыр, куй көтөүзәрәнә оскраны* [15, с. 34; 16, с. 30] ‘по пути встретил- ся с пастухами коров, овец’; *куй тәкәһе Кузыйкүрпәс тураһында Маянһылыуа өс мәртәбә һөйөнсәләй, кыз ышанмай* [15, с. 34; 16, с. 30] ‘три раза курдючные овцы извещают Маянхылу о появлении Кузыйкүрпяса, но она не верит’; *Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу бер-береһен та- нышып илашалар. Маянһылыу Кузыйкүрпәсте үзенең тирмәһе янына илтеп кыя* [15, с. 34; 16, с. 30] ‘Кузыйкүрпяс и Маянхылу узнают друг-друга, плачут. Маянхылу приводит Кузыйкүрпяс в свою юрту’; *быны Колтан таз һизеп кала, ханға барып әйтә. Хәзер тегеләр Кузыйкүрпәсте үлтерергә шәйләйҙәр* [15, с. 34; 16, с. 31] ‘Колтан таз доносит об этом отцу девушки и предла- гает убить Кузыйкүрпяса’.

Из отличительных моментов необходимо отметить следующие: в первом тексте имеет место договоренность о том, что они породнятся, во втором об этом конкретно не говорится, хотя под- разумеается; в первом тексте отец героя погибает после рождения сына, а во втором, когда сын уже подросток; и на охоте перед отправлением в путь в первом тексте герой сосет правую грудь матери, а левую не сосет. В первом тексте отсутствует конец сказания, комментарии о причинах прерывания исполнения отсутствуют. Сравнение разновременных текстов сказания «Кузый- күрпяс и Маянхылу» с разницей в 33 года от одного информанта показало, что исполнитель в основном оба раза довольно полно передал содержание текста, поэтому совпадающих и сино- нимичных позиций примерно одинаково, а отличительных позиций в первой записи всего две.

Нами выявлены еще два примера разновременных записей эпоса «Акхак Кула», зафик- сированных в Оренбургской области. Это тексты, записанные фольклористом А. Н. Кирее- вым в 1960 г. [18] и студенткой Башкирского государственного университета М. Янбухтиной в 1963 г. [19] в деревне Кутусово от 63-летней Р. Телякаевой. Авторы комментариев отметили, что тексты очень схожи, разница лишь в финале: *антын бозған йәш хужаны йылкылар типкеләп үлтерәләр* ‘нарушивший клятву молодой хозяин погиб от копыт коней’. К сожалению, нет воз- можности их сверить, в фольклорном фонде Башкирского государственного университета этот материал не найден.

Есть еще тексты названного эпоса в фиксациях Ф. А. Надршиной и С. А. Галина, записан- ных в 1960 г. в дер. Габдрафиково Оренбургской области от незрячей 60-летней Назифы Бай- тимеровой [20; 21]. Текст С. А. Галина включен в упомянутый выше том шестым вариантом эпоса, а текст Ф. А. Надршиной выпал из учета и не отмечен в комментариях.

Обнаружение таких материалов в Научном архиве ставит перед фольклористами задачу дальнейших поисков подобных текстов и их сравнительное изучение. Снова необходимо от- метить богатство эпического наследия народа у оренбургских башкир, которые дали даже мате- риал (три пары текстов сказания «Акхак Кула») для изучения сохраняемости эпоса в разнове- мренных записях от одного исполнителя по экспериментальной методике известного российско- го ученого члена-корреспондента РАН В. М. Гацака.

Заключение

Таким образом, изучение материалов экспедиций второй половины XX в. за пределами Республики Башкортостан показало довольно хорошую сохранность эпического наследия

башкир в устном бытовании, о чем свидетельствует количество записанных текстов в 44 единицы. Из них в томах научного свода «Башкирское народное творчество» опубликованы всего 18 текстов. Самым богатым регионом на эпос оказалась Оренбургская область, где записано 34 эпических сказаний из 44. Наиболее распространенными у оренбургских башкир явились эпические сказания «Акхак Кула» (12 вариантов), «Алпамыша» (7 вариантов), «Заятуляк и Хыухылу» (5 вариантов), а у челябинских башкир – «Кузыйкурпяс и Маянхылу» (4 варианта). У курганских башкир от 113-летней сказительницы тоже был записан один хороший и полный вариант эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылу». Об этом А. Н. Киреев с гордостью писал, что они стали свидетелями живого бытования эпической традиции, своими глазами увидели, услышали и записали эпос, что это было настоящим открытием. Ведь сказительница знала достаточно много поэтических строк, которые исполняла мягким голосом напевно, и прекрасное произведение, живущее в душе народа веками, во всей полноте предстало перед глазами [1, с. 33–35].

Отмечено отсутствие бытования эпоса в тот период у свердловских и пермских башкир. Следует также отметить, что сказителей мужчин оказалось больше нежели женщин.

Еще одним открытием при изучении архивных материалов стало обнаружение повторной записи в Челябинской области эпического сказания «Кузыйкурпяс и Маянхылу» от одного информанта через 33 года. Естественно, оно не осталось без внимания. Синоптическое сопоставление двух текстов разновременных записей по методике известного российского фольклориста В. М. Гацака позволило выявить схожие и отличительные позиции в текстах, последних оказалось всего две, что свидетельствует о довольно устойчивом сохранении содержания текста в памяти сказителя.

Литература

1. Киреев, А. Н. Песенная тетрадь. Записи фольклориста. – Уфа : Башкортостан, 1964. – 172 с. (На башкирском яз.)
2. Киреев, А. Н. Башкирский народный героический эпос. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1970. – 304 с.
3. Сагитов, М. М. Древние башкирские кубаиры. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1987. – 224 с. (На башкирском яз.)
4. Сагитов, М. М. Башкирские сказители и их эпический репертуар // Башкирский народный эпос / составители : А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитов, А. И. Харисов. – Москва : Наука, 1977. – С. 484–492.
5. Куз-Курпяс. Башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских 1809 года. – Казань : Университетская типография, 1812. – 179 с.
6. Даль, В. Башкирская русалка // Москвитянин. – 1843. – № 1. – С. 97–119.
7. Легенда о Тюляке (Суходольский Л.) // Оренбургские губернские ведомости. – 1858. – № 46. – С. 123–126.
8. Зоя-Туляк и Су-сулу (Султанов С.) // Самарская газета. – 1902. – № 83. – С. 34.
9. Конгур Буга (Игнатьев Р. Г.) // Оренбургские губернские ведомости. – 1865. – № 32. – С. 218–219.
10. Мажит Гафури. Заятуляк берлә Сусылу. – Уфа : Уфимское отд-ние оренбургской типографии «Товарищества Каримов, Хусаинов и К^о», 1910. – 24 с. (На старотюркском яз.)
11. Эпос «Кузыйкурпяс и Маянхылу» в современной записи // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира : материалы Международной научной конференции. – Уфа-Сибай : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 153–156.
12. Некоторые наблюдения по разговорному языку современных курганских башкир (на основе текста эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылу», записанного в 2016 г.) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : материалы XVII Всероссийской научной конференции. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. – С. 299–302.
13. Атанова, Л. П. О башкирских эпических напевах // Башкирский народный эпос / составители : А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитов, А. И. Харисов. – Москва : Наука, 1977. – С. 493–494.

14. Пухов, И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия // Типология народного эпоса / ответственный редактор В. М. Гацак. – Москва : Наука, 1975. – С. 12–63.
15. Кузыйгурьяс, Маянхылу. Записано Б. Альметовым 2 августа 1929 г. в дер. Асяново Аргаяшского кантона от Ибатуллы Даянова // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН – Ф. 3. – Оп. 21/3. – С. 30–34. (На башкирском яз.)
16. Кузыйкурпяс и Маянхылу. Записано С. Галиным в 1962 г. в дер. Сабаклы Кунашакского района Челябинской области от Даянова Хибата, 85 лет, безграмотный // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. – Ф. 3. – Оп. 21/8. – С. 26–31. (На башкирском яз.)
17. Сагитов, М. М., Баимов, Б. С. Комментарии // Башкирское народное творчество. Т. IV : Эпос. – Уфа : Китап, 1999. – С. 350–385. (На башкирском яз.)
18. Акхак Кула. Записан А. Н. Киреевым в 1960 г. в деревне Кутусово Оренбургской области от Рахили Телякаевой (1897 г. р.) // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. – Ф. 3. – Оп. 2 – Д. 3. – С. 54–57. (На башкирском яз.)
19. Акхак Кула. Записан студенткой Башкирского госуниверситета М. Янбухтиной в 1963 г. в деревне Кутусово Оренбургской области от Рахили Телякаевой (1897 г. р.) // Фольклорный фонд Кабинета башкирской литературы и фольклора Уфимского университета науки и технологий. Материалы экспедиции 1963 г. – С. 79–81. (На башкирском яз.)
20. Акхак Кула. Записан Ф. А. Надршиной в 1960 г. в деревне Габдрафиково Оренбургской области от Назифы Байтимировой (1900 г. р.) // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. – Ф. 3. – Оп. 2 – Д. 3. – С. 66–70. (На башкирском яз.)
21. Акхак Кула. Записан С. А. Галиным в 1960 г. в деревне Габдрафиково Оренбургской области от Назифы Байтимировой (1900 г. р.) // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. – Ф. 3. – Оп. 2 – Д. 3. – С. 86–91. (На башкирском яз.)

References

1. Kireev, A. N. Songbook. Recordings of a folklorist. Ufa, Bashkortostan Publ., 1964, 172 p. (In Bashkir)
2. Kireev, A. N. Bashkir folk heroic epic. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1970, 304 p. (In Rus.)
3. Sagitov, M. M. Ancient Bashkir kubairs. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1987, 224 p. (In Bashkir)
4. Sagitov, M. M. Bashkir epictellers and their epic repertoire. In: Bashkir folk epic. Compilers A. S. Mirbadaleva, M. M. Sagitov, A. I. Kharisov. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 484–492. (In Rus.)
5. Kuz-Kurpyach. Bashkir story written in Bashkir by one Quraych and translated into Russian in the valleys of the Rife Mountains in 1809. Kazan, University Printing House, 1812, 179 p. (In Rus.)
6. Dal, V. Bashkir mermaid. *Moskvityanin*. 1843, no. 1, pp. 97–119. (In Rus.)
7. Legend of Tulyak (Sukhodolsky L.). *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. 1858, no. 46, pp. 123–126. (In Rus.)
8. Zoya-Tulyak and Su-sulu (Sultanov S.). *Samarskaya gazeta*. 1902, no. 83, p. 34. (In Rus.)
9. Kongur Buga (Ignatiev R. G.). *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. 1865, no. 32, pp. 218–219. (In Rus.)
10. Mazhit Gafuri. Zayatulyak berlya Susylu. Ufa, Ufa branch of the Orenburg Printing House “Association of Karimov, Khusainov and Co.”, 1910, 24 p. (In Old Turkic)
11. The epic “Kuzyikurpyas and Mayankhylyu” in a modern record. In: “Ural-batyr” and the spiritual heritage of the peoples of the world: materials of the International scientific conference. Ufa-Sibai, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the RAS Publ., 2010, pp. 153–156. (In Bashkir)
12. Some observations on the spoken language of the modern Kurgan Bashkirs (based on the text of the epic “Kuzyikurpyas and Mayankhylyu”, recorded in 2016). In: Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia: proceedings of the XVII All-Russian scientific conference. Ufa, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the RAS Publ., 2017, pp. 299–302. (In Bashkir)
13. Atanova, L. P. About Bashkir epic tunes. In: Bashkir folk epic. Compilers A. S. Mirbadaleva, M. M. Sagitov, A. I. Kharisov. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 493–494. (In Rus.)
14. Pukhov, I. V. Heroic epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. Commonality, similarities, differences. In: Typology of the folk epic. Executive editor V. M. Gatsak. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 12–63. (In Rus.)
15. Kuzyikurpyas, Mayankhylyu. Recorded by B. Almetov on August 2, 1929 in the village Asyanovo of

Argayash canton from Ibatulla Dayanov. In: Scientific archive of the Ufa Federal Research Center of the RAS. F. 3. Op. 21/3. Pp. 30–34. (In Bashkir)

16. Kuzyikurpyas and Mayankhlyu. Recorded by S. Galin in 1962 in the village Sabakly, Kunashaksky district, Chelyabinsk region from Dayanov Khibat, 85 years old. In: Scientific archive of the Ufa Federal Research Center of the RAS. F. 3. Op. 21/8. Pp. 26–31. (In Bashkir)

17. Sagitov, M. M., Baimov, B. S. Comments. In: Bashkir folk art. Vol. 4: Epic. Ufa, Kitap Publ., 1999, pp. 350–385. (In Bashkir)

18. Akhak Kula. Recorded by A. N. Kireev in 1960 in the village of Kutusovo, Orenburg region, from Rakhilya Telyakaeva (b. 1897) In: Scientific archive of the Ufa Federal Research Center of the RAS. F. 3. Op. 2. Doc. 3. Pp. 54–57. (In Bashkir)

19. Akhak Kula. Recorded by M. Yanbukhtina, a student of the Bashkir State University, in 1963 in the village of Kutusovo, Orenburg region, from Rakhilya Telyakaeva (b. 1897). In: Folklore Fund of the Cabinet of Bashkir Literature and Folklore of the Ufa University of Science and Technology. Materials of the 1963 expedition. Pp. 79–81. (In Bashkir)

20. Akhak Kula. Recorded by F. A. Nadrshina in 1960 in the village of Gabdrafikovo, Orenburg region, from Nazifa Baitimirova (b. 1900). In: Scientific archive of the Ufa Federal Research Center of the RAS. F. 3. Op. 2. Doc. 3. Pp. 66–70. (In Bashkir)

21. Akhak Kula. Recorded by S. A. Galin in 1960 in the village Gabdrafikovo, Orenburg region, from Nazifa Baitimirova (b. 1900). In: Scientific archive of the Ufa Federal Research Center of the RAS. F. 3. Op. 2. Doc. 3. Pp. 86–91. (In Bashkir)